

УДК 167.7

DOI: 10.17223/1998863X/62/29

Л.Д. Шиповалова

ОБ ОСОБОМ ДОСТОИНСТВЕ МЫСЛЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Обсуждается выдвинутый Т.А. Вархотовым тезис о возможности истолкования мысленных экспериментов как имеющих недискурсивные основания. Описываются возможности и ограничения, связанные с пониманием мысленных экспериментов как работы воображения. Такое понимание сближает различные виды экспериментирования в науке, а также работу воображения в художественных практиках. Кроме того, оно позволяет отчасти разрешить проблему производства нового знания посредством мысленных экспериментов.

Ключевые слова: мысленный эксперимент, новое знание, воображение, репрезентация

Статья Тараса Александровича Вархотова «От воображения к карте: недискурсивные основания мысленного эксперимента» вводит в актуальное поле дискуссий о мысленном эксперименте. Что значимого для эпистемологии и философии в целом может быть обнаружено в этом поле? Представляется, что вопросы фокусируются вокруг некоторого общего недоумения. Мысленные эксперименты имеют достаточно длительную историю – их отрефлексированное использование в научных практиках можно возводить к Галилею, а концептуализацию, а также эпистемологическую и эвристическую легитимацию, – к работам немецкого философа и ученого Г. Лихтенберга в XVIII в. [1]. Однако, несмотря на аргументы за особую востребованность (в ситуациях гипотетических или принципиально ненаблюдаемых научных объектов, а также в условиях этической невозможности или финансовой ограниченности постановки «реального» эксперимента), остаются неочевидными основания когнитивной силы мысленного эксперимента. Можно ли считать его исключительно заместителем эксперимента «реального», ожидающим санкции последнего или призывающим смириться с принципиальной невозможностью в данном конкретном случае «работы с реальностью»? Следует ли уделять внимание принципиальной ограниченности мысленных экспериментов по тем или иным причинам, дабы уберечь себя от избыточного доверия их результатам [2]? Или мы можем и должны, напротив, стремиться к дополнительной легитимации мысленного эксперимента, находить источники его познавательной силы и дополнительные возможности, которые он предоставляет в общем поле эпистемических практик?

Сложность ответов на поставленные вопросы усугубляется концептуальной неопределенностью мысленного эксперимента, а также возможностью его широкой таксономии. Мысленные эксперименты могут служить различным целям, быть востребованными в системе образования, экономике, этике, теологии, использоваться в концептуальном анализе, при выдвижении гипотез и применении теорий. В логическом смысле они могут выступать в качестве «опровержения необходимости» или «опровержения возможности», в контексте проблемы выбора теорий – быть иллюстрирующими, служить

критике или апологетике [3]. Это далеко не полный перечень способов востребованности мысленного эксперимента. Однако такое разнообразие вкупе с концептуальной недоопределенностью может, скорее, укрепить в сомнениях эпистемолога, задающегося вопросом об особом достоинстве мысленного эксперимента. Сомнения остаются и относительно его роли в производстве нового знания, ведь он, предположительно, остается «только рассуждением», но не эпистемической практикой в ее необходимой связи с опытом.

Отвечая на эти сомнения, Тарас Александрович занимает, как представляется, натуралистическую, или эмпиристскую, позицию. Мысленный эксперимент, будучи рассмотренным в истоках и динамике, а не только в своем результате, раскрывается им как недискурсивная практика, как работа с уже имеющимся опытом, сенсорными данными, как деятельность, производящая эффекты и включающаяся в социальные отношения. Здесь Тарас Александрович оказывается среди критиков репрезентационализма, не отрицающих необходимость различных, в том числе теоретических, репрезентаций чувственного опыта, но настаивающих на преимущественном внимании к деятельности по их производству [4]. При этом открывается возможность выхода за рамки дихотомии «дискурсивное / сенсорное», обуславливающей противопоставление мысленного и «реального» экспериментов, где второй имеет дело с материей опыта и инструментами ее репрезентации. Преодоление или смягчение дихотомии включает как минимум два момента. Во-первых, мысленный эксперимент оказывается также предъявляющим реальность, однако не в модусе действительности, как это имеет место в эксперименте обычном, но в модусах (не)возможности и (не)необходимости. Во-вторых, мысленный эксперимент представляет собой работу воображения, связывающую чувственные данные и концептуальный синтез [5]. В каком бы направлении из, скажем, описанных Кантом эта работа ни производилась – в подведении чувственных данных под имеющиеся понятия рассудка или в сборке данных без готового понятия, предполагающей следование интересу рассудка в поиске единства знания, – она не может быть истолкована как «только рассуждения», не заинтересованные в реальности. Работой воображения реальность содержательно предъявляется посредством уже имеющихся чувственных данных или посредством многообразия эмпирических закономерностей, для которых еще нет концептуального каркаса. Следует отметить, что в философской традиции можно обнаружить демонстрацию не только экспериментальной, но и концептуальной, теоретической работы в ее связи с реальностью, что не отменяет значения способности воображения, однако демонстрирует ограниченность представленной Тарасом Александровичем эмпиристской позиции.

Именно в контексте связи с воображением становится оправданной и аналогия мысленного эксперимента с картой как экспериментальной лабораторией, в которой соединяются эмпирия и концепты [6]. Если продолжить эту аналогию дальше, действенность, в том числе социально-политическая, раскрывающая существование карты [7], оказывается присутствующей и в мысленном эксперименте, выступающем орудием образования, просвещения и, возможно, идеологии, в большей степени, чем обычный эксперимент. Представляется, что так истолкованный мысленный эксперимент оказывается отчасти избавлен и от проблемы новизны. (Правда, нельзя не подчеркнуть,

что решение этой проблемы предполагает также необходимость различения новых данных, поставляемых «реальным» экспериментом, и нового знания, совсем не обязательно имеющего характер непосредственно удостоверяемого в опыте.) Работа воображения, пересобирающая полученные в опыте данные, приводит к формированию новой гипотезы или конституированию нового концепта. Более того, критические мысленные эксперименты, в том числе философские, обнаруживающие границы определенного подхода, не только оказываются вызовом для имеющегося знания, но имплицитно предполагают предъявление знания иного. Можно предположить, что в этой критической роли также состоит конструктивное отличие мысленных экспериментов от обычных, которые редко планируются как опровергающие.

Таким образом, раскрытие мысленных экспериментов как работы воображения обосновывает достоинство мысленного эксперимента, сохраняя отличие его от эксперимента обычного. Однако в этом контексте могут возникнуть и сомнения в том расширении, которое придает Тарас Александрович мысленному эксперименту. Не становится ли в этом случае мысленный эксперимент единственным образцовым примером работы воображения, не допускающим возможности отличить его, скажем, от научно-фантастических репрезентаций [8]? Сближение науки и художественных практик, безусловно, имеет значение для современной науки, однако оно не должно быть избыточным, лишаящим возможности проводить различия. Тем более что работа воображения как трансцендентальной способности, осуществляется ли она в поле научных или художественных практик, всегда уже предполагает всеобщность и претензию на объективность, не требуя дополнительной социализации. Прочтение третьей критики Канта, имеющей в фокусе эту способность, как текста, принадлежащего области не только эстетики, но и философии науки, еще более актуализирует необходимость такого различения. Представляется, что прояснение особого достоинства мысленного эксперимента должно включать осмысление его границ с иными элементами научного исследования и познавательных практик в целом. Потому вопрос о специфике воображения, обнаруживающейся в мысленном экспериментировании, остается открытым.

Литература

1. *Fehige Y.J.H., Stuart M.T.* Origins of the Philosophy of Thought Experiments: The Forerun // *Perspectives on Science*. 2014. Vol. 22. P. 179–220.
2. *Сонов М.С.* Тезис нередуцируемости квалиа: аргументированный вывод или необоснованная пресуппозиция? // *Эпистемология и философия науки*. 2020. Т. 57, № 4. С. 158–170.
3. *Brown J.R., Fehige Y.* Thought Experiments // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / E.N. Zalta (ed.). Winter 2019 Edition. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/thought-experiment/> (accessed: 14.07.2021).
4. *Representation in Scientific Practice Revisited* / ed. C. Coopmans, J. Vertesi, M. Lynch, S. Woolgar. Cambridge, MA : MIT Press, 2014. 366 p.
5. *Вархотов Т.А.* Воображение как граница понимания: о функции воображения в мысленных экспериментах // *ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики*. 2020. № 2. С. 199–224.
6. *Гавриленко С.М.* Картографический диспозитив (несколько замечаний о «глобусах» Питера Слотердайка) // *ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики*. 2020. № 2. С. 131–150.
7. *Иванов К.В.* Картографирование как инструмент имперской политики в центральной Азии // *ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики*. 2020. № 2. С. 151–181.
8. *Wiitsche H.A.* The Forever War; understanding, science fiction and thought experiment // *Synthese*. 2021. Vol. 198 (4). P. 3675–3698.

Lada V. Shipovalova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).
E-mail: l.shipovalova@spbu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 62. pp. 278–281.

DOI: 10.17223/1998863X/62/29

THE SPECIAL MERIT OF THOUGHT EXPERIMENT

Keywords: thought experiment; new knowledge; imagination; representation

The author discusses the thesis Taras Varkhotov formulated on the possibility of interpreting thought experiments as having non-discursive grounds and describes opportunities and limitations associated with thought experiments as the work of imagination. This understanding brings together various types of experiments in science, as well as the work of imagination in artistic practices. In addition, it allows us to solve the problem of producing new knowledge through thought experiments.

References

1. Fehige, Y.J.H. & Stuart, M.T. (2014) Origins of the Philosophy of Thought Experiments: The Forerun. *Perspectives on Science*. 22. pp. 179–220. DOI: 10.1162/posc_a_00127
2. Sopov, M.S. (2020) Qualia Irreducibility Thesis: Rational Argument or Unreasonable Presupposition? *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 57(4). pp. 158–170. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202057468
3. Brown, J.R. & Fehige, Y. (2019) Thought Experiments. In: Zalta, E.N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/thought-experiment/>
4. Coopmans, C., Vertesi, J., Lynch, M. & Woolgar, S. (eds) *Representation in Scientific Practice Revisited*. Mass.: MIT Press.
5. Varkhotov, T.A. (2020) Imagination as a borderline of understanding: the function of imagination in thought experiments. *ИПАЭХМА. Проблемы визуальной семиотики – ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 2. pp. 199–224. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2020-2-199-224
6. Gavrilenko, S.M. (2020) The cartographic dispositif: few remarks on “Globes” of Peter Sloterdijk. *ИПАЭХМА. Проблемы визуальной семиотики – ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 2. pp. 131–150. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2020-2-131-150
7. Ivanov, K.V. (2020) Cartography as a tool of imperial policy in Central Asia. *ИПАЭХМА. Проблемы визуальной семиотики – ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 2. pp. 151–181. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2020-2-151-181
8. Wiitsche, H.A. (2021) The Forever War; understanding, science fiction and thought experiment. *Synthese*. 198(4). pp. 3675–3698. DOI: 10.1007/s11229-019-02306-6